

С. Л. Утченко

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

А ОСТАТОЧНО хорошо известно, что философская и политическая мысль древних часто находила свое выражение в форме диалога. Диалог в данном случае не литературная (вернее, не только литературная) форма, но как бы форма самого мышления. Это не должно удивлять, ибо истинно творческое мышление всегда есть мышление диалогичное, всегда спор с неким собеседником, с alter ego, т. е. некий внутренний диалог¹.

Для античных авторов характерна именно такая ориентация — установка на самый процесс мышления, на «спор» в его внутреннем развитии. Это рождение диалектики и логики (диалогика), это — стихийно радостное переживание творческого акта, который замкнут «на себя». Подобный подход прямо противоположен установке на результаты процесса, когда лаборатория убирается в «подвалы сознания», когда мы имеем дело с выводами и бытянутым в последовательной ряд набором аргументов (поскольку любая аргументация вовсе не процесс, а его результаты, пусть промежуточные, но все же результаты!). Эта установка характерна для системы мышления нового времени.

Вот, что пишет В. С. Библер в своей уже упомянутой нами работе по поводу подобной системы: «Даже диалог с другими здесь осуществляется в форме монолога, доказательства (для тугодумов), мышление идет от субъекта и замыкается „на себя“ органически не может. Больше того, сверхзадача внутреннего спора в том и состоит, чтобы устранить одного из собеседников (не знающего, ошибающегося), чтобы развернуть, разомкнуть обоснование в доказательство. Изобретение идей должно быть опущено в дологическое подземелье, внутренний спор должен уничтожить самого себя, в теории не должно остаться следов ее происхождения. Если это получается, значит, теория готова к употреблению и может поступать в распоряжение практики, в оборот внешнего общения»².

Мы привели столь обширную цитату потому, что в ней дано, на наш взгляд, очень точное определение основных «примет» современного мышления. Не сказано лишь о том, чем именно обусловлено его становление и развитие. Мы же склонны подчеркнуть — наряду с другими причи-

¹ В. С. Библер, Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога), М., 1975, стр. 3—6, 62—69; ср. М. М. Бахтин, К методологии литературоведения, в сб. «Контекст. 1974», М., 1975, стр. 206.

² Библер, ук. соч., стр. 72.

нами — некую связь и зависимость подобной системы мышления от линейного характера письма, от внушаемой им привычки последовательного слежения за ходом мысли в процессе декодирования информации, передаваемой этим письмом, что и называется нами чтением. Заслуживает внимания мнение Маклюэна, утверждающего, что подобная практика неизбежно порождает представление о причинно-следственной связи явлений³, и если это так, то неудивительно, что имеют значение лишь причины и следствия, а «промежуточные результаты» убираются, как правило, в подтекст. Дальнейший шаг в развитии этой системы — декларативное мышление, которое концентрирует, «снимает» в конечном выводе все предшествующие звенья, ибо афоризм, приказание и т. п. не нуждаются ни в аргументации, ни в установлении причины.

Вернемся, однако, к античности. Свойственная ее мыслителям и теоретикам диалогичность мышления должна рассматриваться как частный случай, как проявление одной из особенностей античной культуры в целом, точнее, более общей и специфической ориентации этой культуры. Мы имеем в виду ориентацию античной культуры на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие, т. е. то, что может быть названо оро-акустической ориентацией. Однако до обоснования этого тезиса необходимо сделать по крайней мере две существенных оговорки.

Обе оговорки касаются употребленного выше выражения «античная культура в целом». Оно требует некоторого разумного ограничения. Во-первых, ограничение временное. Говоря об античной культуре, мы, конечно, имеем в виду лишь какой-то определенный период ее развития, а именно тот период, который принято именовать «классическим» и который ближе и точнее следует определить как эпоху господства полисной организации, полисных отношений. Во-вторых, мы, строго говоря, имеем в виду те области культуры, которые выступают в словесном выражении, которые так или иначе связаны со словом (речью). Если эта последняя оговорка еще более ограничивает понятие «античная культура в целом», то она все же его не отменяет. Говоря о словесном выражении, мы подразумеваем те области, те аспекты культуры, которые составляют основное ее содержание, обладают наиболее высокой степенью информативности и к тому же обращены к массовой аудитории. Поскольку это так, то эти области или аспекты и выступают в качестве определяющего фактора при формировании мировоззрения человека (в том числе и античного), т. е. его социальных, политических и философских воззрений, его модели мира.

Нетрудно предвидеть некоторые само собой напрашивающиеся возражения. Речь может прежде всего идти о роли искусства. Безусловно, в формировании эстетических взглядов и вкусов весьма значительную роль играют также явления культуры, которые по природе своей как будто вовсе и не связаны со словом — изобразительное искусство, архитектура и т. п. Однако по сравнению с факторами, формирующими социально-политические и философские воззрения, эти явления все же никак не могут считаться определяющими. Вероятно, и в общем балансе средств коммуникации те формы, те средства, которые не связаны со словом, имеют, как правило, вторичное значение.

Кстати, искусствоведы говорят о существенном преобладании пластического образа в античном изобразительном искусстве. Причем речь идет не только о скульптуре, но и о «статуарном» характере самой антич-

³ M. McLuhan, *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*, Toronto, 1962, стр. 18—22; ср. о н же, *Understanding Media. The Extensions of Man*, N. Y., 1964, стр. 140—144, 166.

ной живописи. Пластический же образ в искусстве считается как бы адекватным слову. Кроме того, вовсе не лишено оснований следующее соображение: изобразительное искусство, архитектура и т. п. для самой античности, для формирования мировоззрения античного человека — как ни парадоксально это звучит — имели менее «конституирующее» значение, чем то же античное искусство для становления человека новой европейской цивилизации.

Рассмотрим вопрос об оро-акустической ориентации античной культуры, имея в виду некоторые ее основные аспекты.

Письменность, чтение, грамотность. Само собой разумеется, что язык как семиологическая система не должен в данном случае служить предметом нашего рассмотрения. Что же касается некоторых особенностей греческого и латинского языков и их использования в живой речи, например длительности гласных звуков, просодии и т. п., то все эти явления, несомненно, лишь могут подтвердить, даже подчеркнуть общую ориентацию. Оро-акустическая «цель» всегда заложена в живой речи, но особенности, приемы, техника речи могут или усиливать или, наоборот, ослаблять конечный эффект (например, обеднение интонационных средств).

Сейчас нас интересует вопрос о соотношении письменности и устной речи. Мы склонны утверждать, что в «классический» период истории Греции (или на «полисном уровне» римской истории) письменность никогда не брала, да и не могла взять верх над живым словом. Это свидетельствует прежде всего о том, что письменность даже на стадии изобретения фонетического алфавита (который стал использоваться греками, по-видимому, с IX—VIII вв.) еще не превратилась в средство массовой коммуникации, в mass media. Из сказанного вытекает, что дело заключается не столько в изобретении или наличии письменности, сколько в масштабах ее распространения, использования. Так, например, Маклюэн истинным переворотом, своего рода широкой культурной революцией, считает лишь изобретение типографского станка, т. е. книгопечатания, которое в силу своего быстрого распространения открыло новую эпоху — эпоху преобладания визуального восприятия информации над восприятием слуховым, «тиранию печати», появление «типографского человека» и т. п.⁴

У нас нет ни оснований, ни права наши наблюдения, относящиеся к античности (точнее, к античному полису), распространять на какие-то иные исторические эпохи, что почти всегда ведет к искажению исторической перспективы. Поэтому не будем выходить — и пространственно, и хронологически — за пределы намеченных нами же рамок античного полиса.

Развитие письменности в эпоху господства полисной организации переживало свой, если не детский, то отроческий возраст. Письменность использовалась в первую очередь для фиксации материала, имеющего официальный и документальный характер (отчетность, законодательные акты, договоры и т. п.). Книг (рукописных!) было сравнительно мало, стоили они дорого, книга в общем была еще редкостью. Крупных библиотек не существовало, первые упоминания о подобных библиотеках относятся только к эллинистическому времени (Александрийская, Пергамская; библиотека македонского царя Персея, которую в качестве драгоценного военного трофея захватил Эмилий Павел), да и то подобные библиотеки насчитывались единицами и, конечно, не были рассчитаны на массового читателя, не имели публичного характера. Грамотность

⁴ McLuhan, Understanding Media, стр. 144, 151.

(выборочно в античном мире довольно высокая) тоже, разумеется, была распространена не повсеместно. Известный анекдот, связанный с остракизмом Аристиды, свидетельствует, на наш взгляд, не только о безусловности грамотности верхушки афинского общества, при недостаточной грамотности населения хоры, но также и о достаточно широком охвате этого населения информацией устной.

Действительно, на первый взгляд казалось бы, что в описанных выше условиях знакомство с наиболее информативными источниками культуры могло быть привилегией лишь весьма узкого круга лиц. Однако этому противоречит общеизвестный факт: отнюдь не элитарный, но достаточно широкий, «народный» (или, точнее говоря, «гражданский») характер античной культуры.

Каким же образом это могло произойти? Только таким образом (и это единственно возможный в тех условиях путь), что все наиболее информативные «компоненты» античной культуры были ориентированы на слуховое, акустическое восприятие. Эта ориентация имела принципиальное значение, накладывая свой отпечаток на общий характер культуры, обуславливая развитие отдельных жанров и направлений, не оставляя без своего воздействия даже самый строй общественной жизни.

В своей вступительной статье к трактатам Цицерона об ораторском искусстве М. Л. Гаспаров писал: «...Вся культура Греции и Рима — особенно по сравнению с нашей — в большой степени (та же оговорка, что и у нас! — С. У.) была культурой устного, а не письменного слова... Стихи Вергилия и периоды Цицерона одинаково рассчитаны не на чтение глазами, а на произнесение вслух». И дальше: «Высказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения „про себя“: даже наедине с собою люди читали вслух, наслаждаясь звучащим словом»⁵.

Все эти соображения, высказанные М. Л. Гаспаровым, изложены им довольно лапидарно, что объясняется, конечно, самим характером вступительной статьи. И хотя он здесь же утверждает, что «даже исторические сочинения, даже философские трактаты, даже научные исследования писались прежде всего для громкого чтения»⁶, но фактически использует высказанные им же самим утверждения лишь для обоснования роли и значения ораторского искусства в древности. Что же касается чтения вслух, даже наедине с самим собой, то это, пожалуй, наиболее яркий и убедительный пример огромного влияния языковых и речевых особенностей (в частности, явлений просодии), о чем уже упоминалось выше, на общую ориентацию культуры. Вместе с тем, это бесспорный пример некоего конфликта, «расхождения» между живой и письменной речью.

Ораторское искусство. В данном случае картина наиболее ясна, поскольку речь идет о той области, в которой «звучащее слово царило полновластнее всего»⁷. Но как бы мы ни подчеркивали это обстоятельство, мы все же не в состоянии в полной мере представить себе, какую огромную, поистине ведущую и «структурообразующую» роль играло античное публичное красноречие, каково было его не только (вернее, не столько) культурно-эстетическое, но в первую очередь социально-политическое значение.

Политическое и судебное красноречие — стержень, основа всей общественной деятельности, в полном смысле слова «пресса античности». Более того, ораторская речь по существу оказывалась той единственно мыслимой формой, в которую облекалось любое политическое выступление, любая политическая акция (если, конечно, речь не шла о насиль-

⁵ М. Л. Г а с п а р о в, Цицерон и античная риторика, в кн. Ц и ц е р о н, Три трактата об ораторском искусстве, М., 1972, стр. 7.

⁶ Г а с п а р о в, Цицерон и античная риторика, стр. 7.

⁷ Там же.

ственных действиях). Особенно наглядно эта специфика проявлялась, пожалуй, в той области политической жизни и борьбы, которую можно бы назвать «публицистикой». Наиболее характерен наряду с другими пример Исократ — оратора, никогда перед аудиторией не выступавшего, по существу, даже не оратора, но публициста, автора политических памфлетов, статей, вынужденного, однако, писать эти свои статьи в форме якобы произносимых речей, самым тщательным образом соблюдая все законы и особенности этого жанра.

Не будем в данном случае останавливаться на вопросе о теории античного красноречия. Скажем лишь о том, что необычайно тщательная, детальная, поистине скрупулезная разработка теории была бы ничем не оправдана, да и попросту невозможна, если бы это не вызывалось настоятельной общественной потребностью в ней.

И, наконец, об огромном значении античного публичного красноречия свидетельствует то, что оратор в сознании античного человека отождествлялся, идентифицировался с политическим (государственным) деятелем. Мы имеем в виду в данном случае даже не те широко известные, так сказать, классические примеры совпадения этих «ипостасей» (Демосфен, Цицерон), но скорее то, что принято называть принципиальной «постановкой вопроса».

Так, в Риме в I в. до н. э. Цицерон мог публично утверждать: «Есть два рода деятельности, которые способны возвести человека на высшую ступень достоинства: деятельность полководца и деятельность выдающегося оратора. От последнего зависит сохранение благ мирной жизни, от первого — отражение опасностей войны»⁸. И если не все римляне, быть может, соглашались с тем, что деятельность полководца и деятельность оратора равноценны по своему значению для государства, то никому, видимо, не представлялось неправомерным другое — фактическое отождествление Цицероном оратора с государственным деятелем.

Л и т е р а т у р а . а) Поэзия. Едва ли можно сомневаться, что зарождение (и развитие) таких литературных жанров, как эпическая поэзия, лирика, тесно связано с установкой на голос и слух, т. е. с их оро-акустической ориентацией. Всем известно, что поэмы Гомера, будучи впервые записаны при Писистрате, многими поколениями передавались из уст в уста, что гимны Тиртея были рассчитаны на исполнение голосом и на слуховое восприятие. Известен также знаменитый в свое время спор Швеглера с Нибуром относительно эпического или лирического характера «застольных песен» в древнейшем Риме (и опровержение высказываний Нибура о римском эпосе).

Приведенные примеры — число их может быть значительно увеличено — характеризуют возникновение литературных жанров, но поистине удивляет весьма стойкое сохранение оро-акустической традиции на протяжении столетий, даже при наличии достаточно развитой письменности. Плутарх рассказывает, что во время несчастного сицилийского похода многие афиняне спасались от рабства, каменоломен, голодной смерти только благодаря чтению наизусть стихов Еврипида, которого в Сицилии особенно почитали⁹. Но и значительно позже — в императорском Риме люди хранили любимые ими произведения поэзии (да и прозы!) не столько в свитках, сколько в собственной памяти. Кстати, и память была замечательно тренирована; сотни стихотворных строк того же Гомера или латинских «классиков» (Ливий Андроник, Энний и др.) заучивались наизусть еще в школе, а Сенека Старший, например, уверял, что он способен с одного раза запомнить две тысячи слов или, впервые услышав двести стихов,

⁸ Cic., pro Mur. 30.

⁹ Plut., Nic. 29.

повторить их не только в обычном порядке, т. е. от начала к концу, но и наоборот.

б) *Проза*. О таком жанре художественной прозы, как античное публичное красноречие, уже говорилось. Его оро-акустическая ориентация предельно ясна. Быть может, только следует упомянуть о том, что помимо судебного и политического («совещательного») красноречия, которое имело в виду, поскольку речь выше шла об общественной жизни и борьбе, существовал еще достаточно широко распространенный обычай произнесения торжественных речей (энкомии), восходящий, кстати сказать, к древнейшей традиции — песнопений в праздничных процессиях или во время игр.

Упомянем также о публичных чтениях своих произведений авторами, начиная с тех чтений, которые легенда приписывает еще Геродоту (на олимпийских играх, а также на Крите и в различных городах Греции, в том числе Афинах) и вплоть до времени поздней Империи с возродившейся (или вовсе и не умиравшей) «модой» на открытые чтения. Однако если иметь в виду чтения, происходившие в Риме, то речь, видимо, должна идти все же о сравнительно узком круге «избранных» слушателей.

Гораздо существеннее, на наш взгляд, то обстоятельство, что некоторые канонические приемы как нарративной (например, история), так и научной (философия, политические учения) прозы могут найти вполне удовлетворительное и правдоподобное объяснение, если учитывать их оро-акустическую ориентацию. Вполне вероятно, что свойственное всем античным историкам «пристрастие» к вставным речам, речам, характеризующим и действующих лиц, и ситуации, объясняется вовсе не стремлением к большей живости, занимательности, так сказать, «беллетризации» изложения, как это часто утверждают литературоведы и филологи, а вытекает в качестве закономерного следствия из общих «установок», из общей оро-акустической ориентации античной литературы.

Такой же вывод мы вправе сделать, говоря о научной прозе, т. е. о философских трактатах. Преимущественное использование в этих трактатах формы диалога, что, как указывалось выше, давало автору возможность развернуть и акцентировать самый процесс творческого мышления, тоже объясняется в конечном счете явной установкой на живую речь и слуховое восприятие. Вспомним, кстати, о таких «оро-литературных» предшественниках философского диалога, как «пирь» или «состязания» мудрецов (фольклорная проза), а также «состязания в речах» в греческой драме и софистической прозе.

Театр. На первый взгляд тезис об оро-акустической ориентации античной культуры едва ли может быть подтвержден примером античного театра. Однако это не так. Визуальная сторона, визуальное воздействие стояло в античном театре отнюдь не на первом месте. Вспомним хотя бы о скудости декораций (несменяемый задник), об отсутствии мимики у актеров (фиксированная маска) и т. д. Вполне вероятно, что оро-акустическая ориентация театра проявлялась у греков с большей определенностью, чем у римлян. Именно этой ориентацией вполне удовлетворительно, на наш взгляд, объясняется такая особенность греческого театра, как ведущая, организующая и «наставляющая» роль хора.

И вообще, если мы вспомним, каково, например, было значение театра в общественно-политической жизни Афин V—IV вв., то становится предельно ясным, что подобное значение никак не могло быть обусловлено только зрелищной стороной театрального действия. Несомненно, главное для античного зрителя заключалось не в «зримом», но в той смысловой (и, следовательно, «голосовой») информации, которую он получил в театре (перипетии сюжета, общественно-политическая тенденция).

Таковы наиболее наглядные примеры. Число их, пожалуй, можно уже не увеличивать; ограничимся сказанным и попытаемся подвести некоторый итог. Будем считать, что приведенными выше примерами подтвержден выдвинутый в самом начале нашего рассуждения тезис об оро-акустической ориентации античной культуры. Но если даже так, то какой это имеет для нас смысл, какое значение, кроме, так сказать, сугубо исторического или даже «антикварного»?

Ответ едва ли можно считать очень обнадеживающим. Дело в том, что наши выводы и наблюдения относительно оро-акустической ориентации античной культуры могут дать определенное представление, даже знание особенностей, специфики этой культуры в довольно широком значении слова — от особенностей мышления до понимания отдельных литературных приемов — но это еще вовсе не адекватное внутреннее переживание («интенция») и поэтому это ничего не меняет в нашем собственном восприятии явлений античной культуры.

Нам прекрасно известно, как читались стихи самими греками, но мы теперь не в состоянии воспроизвести их манеру (технику) чтения. Подобно этому мы не способны ныне «переживать» поэмы Гомера или диалоги Платона в их оро-акустическом выражении, в их стереофоническом звучании или в контексте «внутреннего спора», т. е. как самодовлеющий процесс развития мысли.

Наиболее существенно для нас последнее: философские и политические воззрения, концепции, теории античных мыслителей тоже теперь воспринимаются нами в их линейном выражении, воспринимаются выдвинутыми в причинно-следственный ряд, выступающими как «результаты процесса». В этом, кстати сказать, не только принципиальное различие эпох, культур, «подходов», но и неизбежные издержки ретроспекции.

Однако положение все же не совсем безнадежно. Было бы неправильно оценивать ретроспективное умозрение только отрицательно; ретроспекция, при разумном к ней отношении, имеет и свои преимущества: всегда в общем можно понять, что именно следует относить за ее счет. Если нет и не может быть речи об адекватном переживании, то это вовсе не исключает — как только что было отмечено — возможностей понимания, причем понимания, в значительной мере очищенного от наслоений самой ретроспекции.

Наше представление об оро-акустической ориентации античной культуры, безусловно, помогает вскрыть некоторые особенности в представляющей для нас наибольший интерес области — в сфере общественной жизни, поскольку эта ориентация сама обусловлена, вернее, даже порождена особым характером существовавших в полисе социальных связей. Мы имеем в виду прежде всего феномен народного собрания.

Но что есть народное собрание? Что такое экклесия, апелла, комиция и т. п. в интересующем нас плане, как не прямое и непосредственное общение граждан полиса, общение, основанное на личном участии, на голосовой и слуховой информации (визуальный момент если и играл какую-то роль, то конечно, лишь второстепенную, подчиненную). Вне этой оро-акустической сферы народное собрание просто не в состоянии было бы функционировать, но и все остальные звенья (органы) полисного устройства тоже связаны в той или иной степени с этой сферой.

Вопрос о взаимоотношениях между общиной и индивидуумом в условиях полиса, полисной (большей или меньшей) демократии решается далеко не однозначно, но бесспорно одно: констатированный выше характер связей в полисе не только предполагает безусловное наличие коллектива, но и содействует его сплочению, порождая у каждого «участника» некое ощущение ответственности за «общее дело». Личное присутствие,

личное участие — таково необходимое условие правильного и бесперебойного функционирования полисного организма. Однако рассмотрение этого вопроса во всем его объеме — задача особого исследования. Для решения этой задачи надо вступить на путь индукции, путь, ведущий от феномена народного собрания к феномену полиса.

SOME SPECIFICA OF ANCIENT CULTURE

S. L. Utchenko

The philosophical and political thought of the ancients was often expressed in dialogue form. This reflected the dialogical nature of thought itself as the manifestation of a feature peculiar to ancient culture — its orientation towards the spoken, living, sounding word and its aural perception (the oro-acoustic orientation). In speaking of «ancient culture» the author limits his subject to (1) the epoch of the predominance of polis organisation and (2) those areas of culture which function through verbal expression. The author connects the oro-acoustic orientation of ancient culture with the character of social communication in the polis (above all with the popular assembly).

Е. М. Штаерман, М. А. Коростовцев, В. И. Кузищин
С. Л. УТЧЕНКО — ИСТОРИК АНТИЧНОГО МИРА

ОЦЕНИВАЯ вклад С. Л. Утченко в науку о древности, прежде всего надо отметить, что все его научное творчество было тесно связано с основными направлениями развития советской историографии античности в послевоенный период. Каждый этап этого развития нашел то или иное отражение в его деятельности и как исследователя, и как организатора науки.

В конце 40-х — начале 50-х гг., когда С. Л. Утченко после демобилизации из Советской армии активно включился в научную работу, в нашей науке об античности в связи с началом работы над томами «Всемирной истории», посвященными древнему Востоку и античности, возникла необходимость заново рассмотреть целый ряд теоретических вопросов, таких, как проблема кризиса и крушения рабовладельческого способа производства, вопрос о социальной структуре античного общества и роли классовой борьбы в его развитии, проблема периодизации древней истории и теоретической оценки таких явлений в социально-политической жизни древнего мира, как становление, расцвет и кризис полиса в Греции, как падение республики и возникновение империи в Риме и многих других. Все эти вопросы настоятельно требовали разрешения или хотя бы достаточно четкой формулировки, чтобы обеспечить дальнейшее развитие марксистской исторической науки об античности. Со всей остротой они встали во время дискуссий, связанных с обсуждением проспекта второго тома «Всемирной истории», посвященного эпохе развитой рабовладельческой формации.

Уже в ходе этих дискуссий С. Л. Утченко выступил против отождествления кульминационного пункта развития рабовладельческого способа производства, рабовладельческой формации с наивысшим расцветом античного полиса и отождествления кризиса полиса с кризисом рабовладельческого строя. Он сформулировал и достаточно убедительно аргументировал для того времени новое и, казалось бы, спорное, теперь же общепринятое положение: классический полис, каким были Афины и до известного периода Рим, не представлял собой наиболее адекватную форму функционирования рабовладельческого способа производства, достигшего наивысшего расцвета. Полис, хотя в нем и использовался труд рабов, основывался (что, как известно, отметил еще К. Маркс¹) на мелком производстве свободных крестьян и ремесленников — собственников земли и средств производства, когда, в неразрывной связи с углубле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.